

Анна Иванова
Тёмный секрет успеха

АННА ИВАНОВА

Тёмный секрет успеха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17797155&lfrom=202213444
ISBN 9785447433130

Аннотация

Алиса с детства мечтает стать журналистом. Она привыкла добиваться своего хитрыми манипуляциями, которые срабатывают со всеми, кроме ее отца. Для зачисления на журфак МГУ ей предстоит сделать последний шаг – через папин труп.

Тёмный секрет успеха Анна Иванова

© Анна Иванова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– Обвиняемая, – прокурор упирается руками в бока, от чего пуговицы синего кителя трещат на животе, – вам уже исполнилось восемнадцать, когда вы решили убить отца?

– Мне было семнадцать...

Не успеваю договорить, как адвокат срывается с места:

– Ваша честь!

Испарина, проступившая на его лбу, видна даже со скамьи подсудимых. Почему он так сильно волнуется? Пока все идет нормально, но, если адвокат не возьмет себя в руки, обвинение обзаведется новыми несуществующими доказательствами.

– Поздно! – торжествует прокурор. – Она уже призналась.

– Защита, обвинение, – снимает очки и складывает дужки судья, – позвольте присяжным дослушать ответ.

Двенадцать голов поворачиваются в мою сторону. Пытаюсь сглотнуть, но в пересохшем горле начинает першить. Откашлявшись, проговариваю на одном дыхании, чтобы никто не успел перебить:

– Мне было семнадцать лет, когда папа умер.

До моего совершеннолетия оставалось всего три месяца. Начало марта выдалось по-зимнему морозным. Солнце ослепляло, утаивая истинную причину слез, то и дело собиравшихся в уголках глаз. Под ногами поскрипывал снег. Надо было пойти после школы домой и прямо рассказать о случившемся папе. Я догадывалась, что на него не подействуют манипуляции – слишком хорошо он знал мои уловки, но все равно решила попробовать задобрить его тортиком. Алкоголь справился бы с задачей лучше. Вот только побочные действия могли оказаться страшнее папиного недовольства.

По дороге в кондитерскую я куталась в воротник дубленки и наслаждалась колким морозным воздухом. Зажатый в кулачке листок согревал лучше искусственного меха. Известие, повисшее над моей планетой ядерным грибом, в этот момент казалось началом новой жизни. Сердце металось от тревоги к предвкушению.

Из остановки мне вслед полетел шепоток: «Все-таки наши девчонки самые красивые!» Вот это мы сейчас и проверим. Автобус постоит на конечной минут пять и, если не успею вовремя, вернется за мной через час. Раньше никого не интересовало, во сколько я прихожу домой, но с тех пор, как папа вышел на пенсию, меня проверяют по «Улицам разбитых фонарей» на НТВ. С пособия в двадцать окладов он купил новый телевизор и засел дома. Сегодня опаздывать нельзя – тянуть с разговором уже некуда.

У входа в кондитерскую морозный воздух обострил аромат ванили, но стоило открыть дверь, как в нос ударил запах псины. Возле порога, подергивая раздвоенным на кончике

ухом, лежала тощая дворняга. Ряженая в черно-серые пуховики очередь тянулась до самого выхода. Чтобы протиснуться внутрь, мне пришлось прижаться спиной к дверному косяку. К белой дубленке припечаталась грязная полоса.

В очереди, в преддверии Восьмого марта, стояли женщины. Отыскав единственного мужчину, я поднялась на цыпочки, чтобы его разглядеть. Лет пятьдесят, не меньше. Такие любят пышек, а я тонкая, как армянский лаваш. Зато это помогло мне пробраться к кассе. Увидев меня, продавщица опустила грудь на прилавок и, подперев кулаком щеку, приготовилась смотреть представление.

– Извините, пожалуйста! – ни то проговорила, ни то пропела я самым нежным из всех голосов, которыми владела. – Не могли бы вы меня пропустить? Я вас очень прошу, мне срочно нужен торт!

Очередь загудела как мобильный на вибро. Поймав взгляд мужчины, я в стеснении опустила веки и медленно посмотрела на него из-под ресниц. В такие моменты мое зрение теряло четкость, зато расширились зрачки, а без того выразительные глаза приобретали томный блеск.

– Во дает, кукла! – вытаращился он. – Здесь все за тортами стоят, чего это я должен тебя пропускать? – и прежде, чем я успела воспользоваться заклинанием «белозубая улыбка», от которого на щечках появляются ямочки, добавил: – Зенками в меня стреляет, шалашовка малолетняя.

Очередь прыснула и захихикала. Кукольное выражение съехало с моего лица, к щекам прилила кровь. Легко насмеяться над чужим унижением. Посмотрим, как ониотреагируют, когда дело коснется их.

– Вы правы, простите, – отступила я на шаг. – Зачем пропускать вперед женщин...

Гудение стихло.

– У баб ног нету, чтобы полчаса постоять? – хохотнул он, наслаждаясь собственным остроумием. – Или вам чего для равновесия не хватает?

Хохот перешел в нервный смешок, когда со всех концов очереди в его сторону полетела брань.

– Бессовестный, – выкрикнула самое приличное слово стоявшая впереди бабушка и подтолкнула меня под локоть: – Иди, деточка, я тебя пропущу. Пусть ему стыдно будет.

– Огромное вам спасибо!

Я улыбнулась и протянула продавщице двести рублей. Она, не спрашивая, достала «Паутинку». Нащупав в кармане мелочь, оставшуюся от репетиторских заработков, я оглянулась. Женщины продолжали поносить остряка, но автобус за их спинами уже поглощал замерзшую человеческую массу.

– Сосиску в тесте, пожалуйста.

Продавщица покачала головой, глядя на пререкающуюся очередь. Да, это манипуляция. Но разве от моей проделки кому-то станет хуже? Женщины научатся сочувствовать униженному, вместо того, чтобы над ним смеяться; мужчина, в следующий раз, подумает, стоит ли оскорблять беззащитную девушку; дворняга съест сосиску в тесте; а я, если не поскользнусь и не уроню торт, успею запрыгнуть в отъезжающий автобус.

Отец, как я и думала, сидел на потрепанном диване перед плазменным телевизором. На экране пританцовывали девушки в бюстгальтерах тигровой окраски и кожаных мини-юбках. Звук был отключен, поэтому папа сразу же повернулся в мою сторону. Телевизор подсветил морщины на его переносице, натруженные вечно сведенными бровями. С прижатым к шее подбородком отец походил на шарпея. Он специально отклонял назад верхнюю часть туловища, чтобы казаться значительнее. Вместе со складками под подбородком, выпяченный живот прибавлял к его сорока пяти годам еще пару десятилетий. Нахмуренный образ отца в свете телевизора мог бы показаться мне забавным, если бы впереди не ждал серьезный разговор.

– Почему опаздываем?

– Заехала в кондитерскую, за тортиком.

- Опять приведешь подруг?
- Нет, это для тебя, – я протянула ему коробку. – Паутинка.
- Он окинул меня недоверчивым взглядом, но подставил ладонь под дно.
- Хочешь то фиолетовое платье из универмага? Или насмотрела очередные обои? Если собираешься снова выпрашивать ремонт в спальне – забудь, – махнул он свободной рукой.
- Нет, у меня хорошие новости. Есть что отпраздновать. Сейчас заварю чай.
- Я сняла дубленку и уже собралась отнести ее в комнату, когда отец меня остановил.
- Алиса, погоди-ка! А ну, выкладывай, что стряслось?
- Ничего не стряслось. Я же говорю, у меня хорошие новости.
- Знаю я твои новости. Небось, очередную книжку в магазине насмотрела. С картинками или без? Говори заранее, чтоб я решил, стоит этого торт или пора устроить разгрузочный день. А если ты снова про фотоаппарат...
- Я победила! – набралась смелости и перебила папину тираду я.
- Где на этот раз?
- На олимпиаде «Покори Воробьевы Горы!» от МГУ. Помнишь, я тебе про нее рассказывала?
- Ну, – пожал плечами он.
- Точнее, в заочном туре олимпиады.
- Хорошо, а от меня ты чего хочешь? Подарок?
- В апреле будет очный тур, но заявление нужно подать заранее...
- Какое еще заявление? – скрестил руки на груди папа. – Для чего?
- Чтобы организаторы забронировали место в гостинице.
- В гостинице? – скривился отец так, будто это слово застряло у него в горле.
- Да, мне оплатят проживание и билет до Москвы. Деньги нужны только на еду.
- Какая гостиница? – поднялся с дивана папа. – Какая Москва?! Я тебя спрашиваю! Ты куда собралась?!
- Помнишь, я тебе рассказывала, – сглотнула комок и начала заново я, – победители «Воробьевых гор» поступают в МГУ без экзаменов. Я уже прошла полпути. Вот письмо!
- Я протянула отцу листок с жирным заголовком: «Поздравление победителю».
- Тьфу! – он, не раздумывая, схватил бумажку, разорвал на мелкие клочки и подкинул в воздух.
- Это распечатка, – я проводила взглядом обрывки. – Письмо прислали по электронной почте.
- Ты что, не понимаешь?! Это же фикция. Обман!
- Нет, это ты не понимаешь, – смахнула выкатившуюся слезу я. – Это Московский Государственный Университет.
- Ну и что? Думаешь, там все честные? Зачем, по-твоему, порядочным людям вызывать безмозглую пичужку в Москву?
- Я не безмозглая пичужка! Задания выполняли десятки тысяч старшеклассников отовсюду, где только есть интернет, а я попала в сотню победителей!
- Я тоже победил, и не в каком-нибудь интернете, – он поднял со стола кипу конвертов. – Выиграл автомобиль «Киа». Вот, смотри! Осталось только заказать по почте товаров на триста тысяч.
- Отец сунул мне в лицо пахнущий типографской краской каталог. Бумага скользнула по коже, кончик носа защипал. Я спрятала лицо в ладони и глубоко вдохнула. Плакать нельзя. Это не поможет, только сильнее его разозлит. Я уже совершила ошибку, когда упомянула интернет – инкубатор для аферистов в папином представлении. Надо сдерживать эмоции и мыслить ясно.
- Папа, ты прав, – сказала я единственное, что он мог услышать. – И все-таки, пожалуйста, попробуй вспомнить, как ты сам хотел стать милиционером. В моем возрасте у тебя тоже были честолюбивые цели.
- Не цели – пустые мечты! Алиса, – он присел на диван и похлопал по обивке рядом

с собой, – ты у меня всегда такая рассудительная была, практичная. Вот уж не думал, что придется тебе все это растолковывать. Считаешь, почему я всю жизнь проработал «надзирателем» на зоне?

– Из-за травмы, – я села рядом. – Тебя не взяли в милицию по здоровью.

– На милиции свет клином не сошелся. Я оттого надзирателем всю жизнь служил, что понял: главное в работе – чтобы вовремя выдавали получку. Можешь мне поверить, я жизнь большую прожил, знаю, как лучше.

– Журналисты тоже получают зарплату.

– Журналисты? Где ты их видела, этих журналистов?

– По телевизору, – поднялась я и указала пальцем на экран. – Ты сам на них целыми днями смотришь.

– Вот ты чего удумала! В телевизор захотела!

– Не в этом дело.

– Тогда в чем? – наклонился в мою сторону отец.

– В профессионализме. Я создам собственную программу.

– Их и так миллион! Зачем придумывать еще одну?

– Миллион бестолковых шоу с надуманными скандалами и семейными потасовками.

В моей программе все будет по-другому, – я опустила перед отцом на колени. – В начале передачи я буду проводить журналистское расследование, выяснять, на чьей стороне правда. Потом искать решение. В конце расскажу о реальных изменениях в жизни героев. Если не получится самой все уладить, – предупредила насмешку, отразившуюся на папином лице, – попрошу помощи у зрителей. Представь, сколько добра я смогу сделать. Это нужно людям!

– Людям может быть. Я в толк не возьму, ради чего тебе это делать?

– Ради самореализации, уважения.

– Своими выкрутасами, увертками всякими, ты уважение не выторгуешь. Его не хитростью, а трудом заслужить можно.

– Только не здесь, – горечь сорвалась с губ раньше, чем я успела подумать.

– Интересно получается. С каких это пор за уважением в Москву ехать надо? По-твоему, здесь его не заработать?

– Не такое, – я поднялась с колен и расправила юбку. Толку от разговора уже не будет. Обида на папу и злость на собственную опрометчивость комом подкатили к горлу.

– А какое?! Я что, по-твоему, – брызжа слюной, закричал отец, – какое-то другое уважение заслужил?! Да ты хоть знаешь, из каких низов я поднялся? Сам выбился в люди. По сравнению с нищенским существованием моих родителей я богатей. Живу припеваючи. Я король! Они батрачили в две смены, ходили глаза долу, а я всю жизнь других работать заставлял.

– Над экама ты издевался и перед начальством выслуживался! – слезы застлали глаза и полились через край. – Вспомни, как твой шеф к нам на ужин приходил и в твоём же доме командовал!

– Начальники – другой разговор! Над каждым кто-то есть. Но и они ко мне со всем уважением. Получше, чем к другим!

– Например?

– Хватало примеров! Не об этом речь, – вытер рукавом пот со лба отец. – Совсем ты на своих сказках двинулась. Жизни красивой захотела, славы.

– Ты что, меня не слышишь?! Я учиться хочу, а не задом вертеть по телевизору!

Я схватила пульт и замахнулась в сторону выгибающих спины тигриц. Отец вскочил с дивана. Заломил мне за спину руку.

– Может, еще наручники наденешь? Я закон не нарушала. Я победила на олимпиаде и прошу тебя только об одном: подпиши заявление. Клянусь, уеду в Москву и больше ни с чем к тебе не обращусь. Денег ни копейки не попрошу: дорогу и жилье оплатят организаторы, еды мне Лилька даст...

– Лильке своей передай, чтоб не рыпалась, а то придет к папке с мамкой в гости дядя Валера, следовательно, доложит, что их умница прошлым летом утварила, а я расскажу, как дело замять договорился. Посмотрим тогда, в какой институт ее отпустят. В наше медучилище будет с батькой за ручку ходить.

Письмо из МГУ Лилька все равно не получила, поэтому ее поступление откладывалось до лета. У нас оставалось четыре месяца, чтобы натаскать ее к вступительным экзаменам. Я собиралась поехать в Москву первой, и разузнать все о поступлении на факультет химии, о котором она грезилась, но у папы оказались другие планы на наш счет:

– Только через мой труп вы в свою Москву попадете, поняла?!

– Поняла, – всхлипнула я, пытаюсь высвободиться, – через труп, так через труп...

Вместо желанной свободы я тут же получила удар в ухо. В голове зазвенело, комната подпрыгнула перед глазами. Только не хватало оглохнуть или ослепнуть. Такой журналист никому не нужен. Идиотка! Пора бы научиться сдерживать эмоции... Отец схватил меня за волосы и поволок в спальню. Я прикрыла лицо руками, чтобы защититься от столкновения с дверным косяком. Уж лучше выбитый локоть, чем шрам на щеке.

– У меня в Москве дочек нет! – крикнул папа, захлопывая дверь.

Я рухнула на пол и уползла под кровать, опасаясь, вдруг он вернется, чтобы вбить мне в голову последнее заявление. На этот раз повезло – его шаги отдалились, а потом из зала донеслось музыкальное сопровождение заставки новостей. Всклипывая и трясясь, как той-терьер на морозе, я потянулась к допотопному телефону. Переведя дыхание, дрожащими пальцами прицелилась в нужные отверстия и покрутила диск. Сквозь хрип старого аппарата послышался голос матери.

– Ало? Говорите!

– Привет, это Алиса.

Я давно не называла ее мамой и даже сейчас не смогла пересилить себя.

– Доченька! С тобой все нормально?

– Лучше не бывает.

– Ты что-то хотела?

– Вообще-то, да. Я выиграла олимпиаду.

– Умница! По какому предмету?

– Это не важно.

– Еще как важно! Расскажи маме, чем она может гордиться?

– По литературе.

– Какое было задание?

– Мотив одиночества в «Капитанской дочке», – протараторила я. – Вообще-то, мне нужна твоя помощь.

– Я окончила школу лет пятнадцать назад, – хихикнула мать в трубку. – Вряд ли от меня будет толк.

Скорее лет сто. Я поборола желание произнести это вслух и продолжила:

– Это был только заочный тур. Очный пройдет в апреле, в МГУ.

– В МГУ? Доченька, я так тобой горжусь!

– Спасибо. Мне нужно, чтобы ты подписала заявление на участие. Я не смогу поехать без согласия родителей.

– Тогда попроси папу.

– Я тебя прошу!

– Но я не могу...

– Мама, я не так часто к тебе обращаюсь!

– Я бы с радостью тебе помогла. Но моя подпись ничего не значит. Папа – твой официальный опекун. Я не имею никаких прав.

– Да, точно, – стукнула себя по лбу я.

– Алисочка, ты такая умничка! Что-нибудь придумаешь, я уверена. Вот увидишь, ты победишь в очном туре, и мы вместе это отпразднуем. Только не ругайся с папой, доченька.

Отношения с близкими важнее любых олимпиад...

Я положила трубку. В ушах гудело, ресницы склеила размокшая тушь. Идиотка, чего я ожидала? У меня нет матери, даже по закону. Зато есть папа. Если, конечно, он мой настоящий отец. Судя по близости даты свадьбы и моего дня рождения, на эту роль мама выбрала первого попавшегося ухажера, которому смогла навязать живот. Он годами притворялся, что не замечает ее походов. Весь город знал, чего стоит его жена, а он закрывал на это глаза, пока она его не бросила. Отпустил благоверную в санаторий, а она даже не доехала – по дороге подцепила проводника. Тот наобещал ей с три короба: путешествий, приключений, романтики. Она заявила, что выполнила материнский долг – доростила дочку до совершеннолетия – и теперь имеет право на личную жизнь. Мне было четырнадцать! Ничего, быстро напутешествовалась. Во время одной из поездок «зайчиком» ее высадили. Проводник пообещал за ней вернуться. Она бы до сих пор его ждала, если бы не встретила на станции такого же «зайца». Теперь ищут приключений на пару. Естественно, я узнала об этом не от мамы с папой. Весь город перешептывался за нашей спиной. И после этого отец говорит мне об уважении. О нем сплетничает каждая торговка пирожками на рынке, над ним смеется даже дворник дядя Саша, алкаш в третьем поколении.

Хватит. Надо взять себя в руки, иначе я стану таким же посмешищем, как мои родители. Из-за побед на олимпиадах, публикаций в газетах и конкурсных выступлений на меня и так все в школе смотрят как на ненормальную. Норма здесь – пить пиво на детских площадках и зажиматься в подъездах. Каждый, кто отличается, может либо вырваться отсюда, и тогда ему будут завидовать, либо убить себя, чтобы не мучиться. Я вижу для себя только первый вариант. Второй оставляю слабым, потакающим прихотям людям, вроде моей матери. Знаю, плохо так говорить. Чтобы стать хорошим журналистом я должна научиться понимать людей. Андрей Малахов говорит, что любит героев своих передач, какими бы они ни были, и искренне хочет им помочь. Нужно ставить себя на место других людей, но родители никогда не пытались понять моего стремления к успеху. Для них это причуда, пустой звук. За что я должна их уважать? Что они сделали в жизни? Только если меня, но родить ребенка – дело нехитрое. Такой, какая есть, я стала только благодаря себе. И это не предел. Я хочу развиваться, хочу работать над собой, хочу в МГУ. Учиться у людей, которые достигли того, о чем я только мечтаю. Общаться с теми, для кого журналист – профессия, а не блажь. Поэтому я не сдамся. Выход обязательно найдется, надо только продолжать поиски. Сегодня у меня еще куча дел. Нет времени плакать.

К приходу лучшей подруги я стерла размазавшуюся косметику и заново наложила макияж. Про то, что папа отказался подписывать заявление, решила умолчать, как и про угрозы рассказать о ее неприятностях родителям. Для Лильки я заготовила другую версию. Если бы она заметила, как покраснели мои глаза, я бы призналась, что плакала из-за ее неудачи на олимпиаде. Когда позвонили в дверь, я уже приготовилась сказать, что никуда без нее не поеду. Лилька вбежала в комнату и, прыгая на месте, протянула мне мобильный:

– Алиса, смотри! На сайте выложили результаты. Я заняла только второе место, но все равно прошла в очный тур!

Тонкие губы все сильнее растягивались в улыбке на ее круглом, веснушчатом личике. Широко распахнутые глаза сияли. Тяжелые груди подпрыгивали. Лилька раскрыла объятия, а мне, вместо нежностей, захотелось встряхнуть ее плотно сбитое тело. Папины угрозы ее сдать способны вызвать куда более сильное потрясение. Хватит с нее переживаний, лучше оставлю их при себе. Меньше всего мне хочется врать единственному близкому человеку, но правда способна лишить ее уверенности в себе, которую мы так долго восстанавливали. Я взяла подругу за руку и подвела к кровати.

– Что случилось? – ее взгляд потускнел. – Ты не рада?

– Конечно, рада!

– Может, ты хочешь поехать в Москву без меня?

– Вот еще! Я ни за что с тобой не расстанусь.

– Это полностью твоя заслуга! – снова воодушевилась Лилька. – Мама с папой

говорили, что олимпиада – пустая затея. Только ты в меня поверила и убедила попробовать.

– Вообще-то, они правы.

– Кто? – спросила она, все еще улыбаясь.

– Твои родители. Эта олимпиада на самом деле пустая затея. Польза от нее только в том, что ты, наконец, поверила в свои силы. Ради этого я и уговорила тебя участвовать.

– погоди, – помотала головой она, – разве победителей очного тура не зачислят в МГУ без экзаменов?

– Вот именно, победителей. Подумай сама, – я заглянула в глаза подруге, – у кого будут самые высокие результаты?

– У лучших.

– Если бы! У тех, кто заплатит.

Хоть какая-то польза от папиных убеждений – не придется придумывать новую легенду. В отличие от меня, Лилька наверняка поверит в байки о продажных экзаменаторах. Главное пересказать их так, чтобы она не опустила руки и продолжила заниматься. К лету я обязательно придумаю, как помешать папе ее заложить. Если Лилькины родители узнают об уголовном деле, ей не светит даже областной мединститут, не говоря уже о московском университете.

– Мама так же говорила про заочный тур, а мы прошли. К тому же поступить – это еще полдела. Смысл платить, если не потянешь учебу?

– Даже если победитель будет тупой, как наш бывший одноклассник-двоечник, что бросил школу три года назад и пошел торговать на рынок...

– Дюбанин.

– Точно, Дюбанин. Даже если так, об этом никто не узнает. Его умственные способности смогут оценить только в сентябре, когда будет слишком поздно. Пусть отчислят его в конце семестра, нам какая польза? Другое дело – летние экзамены. Одно собеседование чего стоит. Там профессора поговорят с каждым. Вот на что надо направить все силы. Будем готовиться: заниматься с репетиторами, читать книги, расширять кругозор. Надо показать себя всесторонне развитыми личностями. Школьных знаний слишком мало, чтобы впечатлить профессоров.

– Для МГУ надо больше, я понимаю, – с Лилькиных щек сошел румянец. – Значит, мы не поедем на очный тур?

– Естественно, нет! – я посмотрела на подругу с укоризной. – Ты же не хочешь напрасно потратить время и упустить настоящий шанс?

Она покачала головой и улыбнулась сквозь набежавшие слезы.

– Давай вместе сходим ко мне домой. Не уверена, что смогу объяснить родителям, почему отказываюсь ехать. Я уже показала им список...

– А ты и не объясняй, – отмахнулась я. – Скажи, что правила изменились и в очный тур проходят только победители.

– Зачем врать? Может, лучше объясним вместе?

– Вряд ли они поймут. Вспомни, как мама отговаривала тебя участвовать в олимпиаде. Если она настоит на поездке в Москву, ты потеряешь время и провалишь вступительные экзамены. Тем более результаты заочного тура показали, что, хоть ты и справилась с заданием, все равно есть куда расти.

– Это точно, – вытерла слезы рукавом Лилька. – Надеюсь, теперь родители не заставят меня готовиться к мединституту.

– Поверь, на этот раз они поняли, что ты будущий великий химик, а не врач в местной поликлинике.

Лилька рассмеялась. Я встала с дивана и, повернувшись к столу, сделала вид, будто ищу что-то в ящике. Летние экзамены, собеседования, профессора, заглядывающие с лупой в головы абитуриентов... Все это тоже может пройти мимо, как и очный тур олимпиады. Прощай МГУ, альма-матер самых успешных русских журналистов. Отец не отпустит меня в Москву, сколько бы скандалов я ни закатила. Получить аттестат и сбежать из дома?

Бессмысленно. У меня нет денег даже на билет, не говоря уже о еде и проживании. Устроиться на работу? Тогда мне придется пропустить целый год, а то и больше. Да и когда готовиться к поступлению, если надо зарабатывать деньги? К тому же если я сбегу, папа обязательно сдаст Лильку. Вот бы уговорить его до лета! Все двадцать окладов, что полагаются военному, выходящему на пенсию, он положил на книжку, где и без того хранилась приличная сумма «на черный день». Со счета папа снял только деньги на телевизор. Остальные мертвым грузом лежат в банке, даже не принося достойных процентов. Десятой части этой суммы хватило бы на дорогу в Москву и оплату жилья на время вступительных экзаменов. В апреле не потребовалось бы даже этого, но, если я хочу окончить школу, придется смириться. Какой смысл мечтать впустую? Папу не переубедить. Придется искать другое решение...

– Чему будешь учить сегодня?

– Покажу, как варить мыло, – я достала пакетик с заранее купленными эфирными маслами из ящика и помахала им перед фотоаппаратом.

– Здорово! – направляя камеру на пакет, подошла ближе Лилька. – Можно хорошо сэкономить. На шоколадное мыло ручной работы я трачу больше двухсот рублей в месяц.

– Вот и молодец! А я и подписчики моего блога «Сделай сам и пусть все завидуют!» на этом заработаем.

Что бы я делала без Лильки и ее фотоаппарата? Даже если бы отец подарил мне телефон с камерой, о чем я давно его упрашивала, судьба блога и мой рейтинг в интернете все равно остались бы в руках лучшей подруги. Пусть я целеустремленнее и организованнее, иногда мне кажется, что без Лилькиной поддержки у меня не хватило бы сил развиваться.

– А где ты возьмешь остальные ингредиенты?

– В ванной, – подмигнула я в объектив, – и на кухне. Пойдем за теркой и детским мылом.

Проблему с Лилькиными родителями я отсрочила. Оставалось придумать, как отделаться от расспросов в школе. Я не рассказывала одноклассникам про олимпиаду на случай, если провалюсь. Победой тоже не хвалилась никому, кроме лучшей подруги, но она могла и проболтаться. Когда утром мы с Лилькой зашли в класс, хорошистки стояли возле дальнего окна, гадая, что нам подарят мальчики на предстоящее Восьмое марта. В прошлом году их фантазии хватило на брелоки в форме мужского достоинства. Мы ответили кружками с обнаженными девушками и теперь, судя по смешкам, с которыми парни заглядывали в рюкзак к старосте Паше, нас ждала расплата посущественнее.

Те, кто оставил надежды окончить школу без троек, сидели вокруг учительского стола и списывали домашнее задание. Никто не поворачивался в нашу сторону, не говоря уже о том, чтобы показывать пальцами, как в тот раз, когда Лилька впервые покрасила волосы красным тоником, или перешептываться у меня за спиной, как в день, когда мой репортаж показали на местном канале. Я вздохнула с облегчением раньше времени. На пороге появилась классная руководительница. Она разогнала списывающих и зачитала с бумажки:

– Алиса Малыш и Лилия Зеленова! Администрация школы поздравляет вас с победой и призовым местом соответственно в заочном туре олимпиады «Покори Воробьевы Горы!» – поняв, что объявление не произвело на учеников должного впечатления, она добавила: – Это значит, что хотя бы двое из вашей шайки поступят в институт. Удачи в Москве, девочки.

– Вообще-то мы... – вскочила Лилька, но я вцепилась ей в локоть и усадила за парту.

– Тише, – шепнула на ухо подруге, – ей лучше не знать, что мы остаемся, а то еще вызовет твоих родителей.

– Все готовы к лабораторной работе? – спросила классная после звонка и, не дождавшись ответа, продолжила: – Вот и хорошо. Приступаем!

Институтки, олимпийки – как еще, интересно, нас обзовут на перемене? Бесполезные унижения, как и победа в заочном туре, которая сама по себе ничего не значит. Меньшего всего в этот момент мне хотелось проводить опыты по химии. Лилька же не только выполняла задание за нас обеих, но и помогала сидящим сзади парням.

– Вы что, обалдели?! – в очередной раз обернулась и подпрыгнула на стуле она. – Это же яд, его нельзя нагревать. Идиоты, мы все из-за вас отравимся!

– Зеленова, – оторвала взгляд от журнала классная, – потрудись рассказать остальным, что такого увлекательного ты увидела на парте Михеева и Ковалева.

– Они держат колбу с порошком над горелкой, – опустила глаза и со сбивчивым дыханием ответила Лилька. – Я объяснила, что нельзя нагревать сосуд над открытым огнем, если в нем находятся ядовитые вещества.

– Стукачка, – шепнул Михеев и стащил Лилькину тетрадку для лабораторных работ с парты.

– А ты чего пырешься, Мгимо! – скривился в мою сторону Ковалев.

В пятом классе я сдуру ляпнула, что мечтаю учиться в МГУ. С того дня ко мне привязалась кличка Мгимо. Похоже, большинству моих одноклассников не под силу даже запомнить название вуза, не говоря уже о том, чтобы в него поступить.

– Зеленова, раз ты так много знаешь о ядах и так хорошо умеешь объяснять, – приложила к носу бумажный платок классная, – выходи к доске. Покажи остальным, как следовало выполнять задание.

Лилька встала. Я проводила ее взглядом и обернулась. Задняя парта с воодушевлением списывала лабораторную. Весь остальной класс наблюдал за опытом возле доски. Слово «яд» пульсировало и распирало во рту, как наболевший зуб. Я раскрыла тетрадь на середине и, придерживая бумагу возле скрепок, вырвала двойной листок. Никто не обратил внимания на треск. Отгоняя подступающую тучу мыслей, я высыпала на листок половину содержимого колбы. Как во сне руки сами завернули бумагу. Я наклонилась к сумке, чтобы положить сверток в потайной кармашек. То ли от паров яда, то ли от нервного напряжения, в глазах помутилось. Я подняла голову и не сразу разглядела, кто надо мной стоит.

– Что ты делаешь? – прошептала Лилька, отодвигая стул, чтобы сесть.

– Ищу носовой платок.

Запихнув листок с порошком во внутренний карман, я принялась шарить по дну сумки. Вытащила белый прямоугольник, приложила его к носу. Лилька подняла бровь и покосилась в мою сторону. Только сейчас я заметила, как сильно дрожат мои руки.

После школы мы с Лилькой дошли до поворота. Она вытащила карманную Камасутру, подарок от мальчиков, и запустила ее в мусорный бак. Мой экземпляр остался в пакете со сменкой.

– Лучше выкини эту гадость, а то еще папа увидит...

– Не увидит. Я спрячу ее в ящик с нижним бельем, он туда ни при каких условиях не полезет.

– У меня в доме нет неприкосновенных мест, – вздохнула Лилька, но тут же пожала плечами: – Да и зачем она нужна?

– Я сохраню. Какая-никакая, а память о школе.

И неплохое пособие по взрослой жизни, но эта мысль уже не для Лилькиных ушей. Несмотря на сомнение, отразившееся на ее лице, Лилька, как обычно, чмокнула меня на прощание в губы. Глупая девчачья привычка. Папа всегда меня за нее ругал и обещал, что я обязательно чем-нибудь заражусь. Он запрещал мне целоваться со всеми подругами, кроме Лильки. Для нее он делал исключение. Думаю, причина этому не стерильная чистота ее губ, а уважаемые в городе родители. Я отсчитала десять шагов в сторону дома и развернулась. Мысли о содержимом сумки снежинками оседали на волосах и таяли, пока я шла на остановку. До автобуса, переводящего дух на конечной, оставалась пара метров, когда чья-то ладонь повернула меня за плечо.

– Разве ты не собиралась домой? – догнала меня Лилька и пристроилась рядом.

– Я передумала. А ты почему здесь?

Ответ получился слишком резким. Подруга в очередной раз подозрительно на меня посмотрела.

– Заметила тебя и решила вернуться. Поедешь в библиотеку?

Я машинально кивнула, но тут же осознала свою ошибку.

– Можно с тобой? Мне как раз надо сдать «Мастера и Маргариту».

– Нет, нельзя, – остановилась я.

Лилька поджала губы и отступила.

– Мне не надо в библиотеку. Я тебя обманула.

– Я так и поняла, – кивнула она и подошла ближе. – Ты сегодня какая-то странная.

– Неудивительно. Я полдня думала, как от тебя отвязаться.

– Зачем? – ее подбородок дрогнул.

– Мне нужно в центр, купить лучшей подруге подарок на Восьмое марта.

– И все? А я-то думала!.. – рассмеялась Лилька.

– О чем?

– Ну не знаю, – пожалала она плечами, – может, у тебя появился парень.

– Вот еще! Мне не до парней.

– Тогда, у тебя новая подруга и ты не хочешь мне о ней рассказывать.

– Дурочка, я бы вас познакомила.

– Значит, ты задумала кого-нибудь убить!

Я улыбнулась в ответ, стараясь скрыть напряжение. Автобус заурчал и тронулся с места. Поцеловавшись с Лилькой еще раз, я побежала к остановке. Интересно, она на самом деле верит, что я способна на убийство? Неважно. Главное, верю ли я?

В отделе учебной литературы центральной библиотеки стояла затхлая тишина, только из соседнего зала доносился приглушенный скрип ксерокса. Я нарочито громко процокала каблуками до пустого стола. Из-за стеллажа послышалось ворчание, и ко мне вышла библиотекарша. Она поправила выехавшую из пучка на затылке шпильку и, сев за стол, оглядела меня снизу вверх.

– Мне нужен справочник по ядам, – сказала я, поймав ее взгляд.

– Какого-нибудь конкретного автора, или...

– Просто хороший справочник.

– Они все хорошие, – подняла брови библиотекарша.

Я промолчала. Она встала и снова скрылась за стеллажами. Во мне дозревала уверенность, что она обиделась и больше не вернется, когда женщина вышла с книгой. Не успела я протянуть руку, как библиотекарша прижала книгу к груди и, сощурившись, спросила:

– Ваша фамилия?

– Зеленова, – назвала я Лилькину фамилию. Подруга постоянно брала учебники по химии. Одним больше, одним меньше – никто и не заметит. В моем списке книг этот справочник выглядел бы подозрительно.

– Лидия? – уточнила библиотекарша, открывая Лилькину карточку.

– Лилия.

– У вас есть что-нибудь на руках?

Что она имеет в виду? Деньги? Яд? Библиотекарша посмотрела сначала в карточку, а затем на меня. Я тут же сообразила, о чем речь.

– Да, у меня задачник по химии для абитуриентов, справочник по металлам, – вспомнила я перечень внешкольных учебников подруги, – англо-русский словарь...

– Вот ваши яды, – перебила библиотекарша. – Распишитесь. Залог – триста рублей.

Она протянула мне книгу и формуляр. Я достала из кошелька деньги. Если объявление на двери обмануло и завтра здесь не короткий день, а выходной, Лилька останется без подарка на Восьмое марта. Пока библиотекарша проверяла на свет лампы сторублевые купюры, я аккуратно выводила Лилькину подпись. В детстве она скопировала часть моего автографа, поэтому, когда библиотекарша отложила деньги, я легко чиркнула последнюю закорючку. Предупреждение о том, что каждый просроченный день стоит денег, застало меня уже в дверях.

Дома отец, как обычно, смотрел телевизор. На столе перед ним стоял поддон

от вчерашнего торта с разрезанным поперек батонem и варенье в банке из-под томатной пасты. Папа не выбрасывал упаковки, которые мог использовать в быту, потому что не любил тратить деньги на то, что, по его словам, рано или поздно придется выкинуть. Вместо туалетной бумаги мне приходилось использовать газеты, а воду в унитазе спускать дважды – в бачок он клал кирпич, поэтому с первого раза ее не хватало. Из душа я частенько выходила намыленной, потому что отец перекрывал воду, если считал, что я слишком долго моюсь. Единственное, на что он не жалел денег – это телевизор. Папа называл его окном в мир, благодаря которому можно путешествовать, не вставая с дивана, а окна он любил большие.

Вместо того чтобы обернуться, папа сделал звук громче. Сняв сапоги, я прошла к себе в комнату. С утра здесь ничего не изменилось: та же старая мебель, собранная из разных гарнитуров; те же выцветшие обои; те же розовые шторы и покрывало – единственные выбранные мной предметы интерьера. Так и должна выглядеть комната, в которую я возвращаюсь каждый вечер. Тогда почему я удивилась, увидев все как было? Книги возвышались горой на столе, косметика разметалась по трельяжу, коллекция подаренных Лилькой плюшевых зайцев кучей малой накинута на комод. Все вещи оставались на своих местах, и даже потолок не поменялся с полом. Значит, не все так страшно, и я могу сесть и спросить себя: зачем мне понадобился яд?

Не найдя ответа, я вытащила из сумки сверток с порошком и справочник. Пролистав книгу до страницы с нужным описанием: «Белый кристаллический порошок. Без запаха, вкуса, сильный яд. Растворим в воде, растворах щелочей, спирте, бензоле, ацетоне. Даже при воздействии минимальных доз наблюдается головокружение, головная боль, бледность, тошнота, упадок сил. Тяжелые случаи отравления характеризуются бессознательным состоянием, затруднением дыхания, скорым, едва ощутимым пульсом, холодным потом, нередко судорогами. Хорошо всасывается в ЖКТ. Равномерно распределяется в крови. Легко проникает в клетки, где блокирует ферменты тканевого дыхания, в результате чего усвоение тканями кислорода, переносимого кровью, становится невозможным и организм погибает от внутритканевой гипоксии».

Комната поплыла перед глазами. Сердце вздрогнуло и остановилось. Я с трудом заставила себя вдохнуть и медленно, как из сдувающегося шарика, выпустила из легких воздух. Привычный процесс дыхания показался мне слишком сложным, почти невыполнимым. Я снова и снова повторяла вдох и выдох, как ребенок, тренирующий шаг за шагом. Убедившись, наконец, что могу дышать, я закрыла глаза и опустилась на подушку. Смерть слишком страшна, чтобы просить ее о помощи. Мне придется смириться со своим поражением и жить так же, как мои родители. Я слишком трусливая, чтобы добиться своего любой ценой. Я слишком слабая, чтобы убить человека.

Меня разбудил стук в дверь. В спальне все еще горел свет, но за окном уже светило солнце. Я вскочила с кровати. Прижав к груди книгу и сверток с порошком, заметалась по комнате.

– Алиса! – послышался бодрый голос отца. – Выгляни в окошко!

Я отпрыгнула в противоположный угол.

– Видишь, кто там стоит?

Медленно, по стеночке, я пробралась к окну. Снаружи никого не было.

– Это Восьмое марта к тебе пришло, Международный женский день. Открывай, будем праздновать!

Восьмое марта! Надо же о таком забыть.

– Секунду!

Несмотря на мою просьбу, дверная ручка начала поворачиваться. Выдвинув верхний ящик комода, я бросила туда справочник и яд. Прикрыла их нижним бельем и едва успела захлопнуть ящик, как дверь распахнулась. В комнату вошел отец.

– Где наша юная женщина?

Я повернулась к папе и, прижавшись бедром к комоду, улыбнулась.

– Смотри, что я тебе купил, – протянул желтый целлофановый пакет он.

Только мой отец мог упаковать подарок в пакет из универсама. Не надеясь на что-либо лучше коробки конфет, я заглянула внутрь. В пакете лежала сиреневая, прошитая блестящими нитками ткань.

– Какая красота...

Подхватив за плечики двумя пальцами, я аккуратно вытащила платье из пакета. Испугавшись, что тончайшая кружевная вставка на груди вот-вот порвется, присела на кровать и положила подарок на колени.

– Надень его и носи весь день, – сказал папа. – Скорее всего, это последнее Восьмое марта, которое ты празднуешь дома. Скоро ты станешь взрослой женщиной, и поздравлять тебя с утра будет кто-то другой. Будь самой красивой, порадуй старика.

Я уронила платье. Не сдерживая слез, бросилась отцу на шею. Этим намеком он сделал мне гораздо более ценный подарок, чем вся одежда мира. Следующее Восьмое марта я отпраздную далеко от дома – в Москве, в МГУ. Отец, как и его подарок, внутри оказался гораздо лучше, чем выглядел снаружи.

Папа вышел, а я начала собирать по всей комнате аксессуары. Платье не нуждалось в примерке: я часами простаивала возле витрины универсама, любясь его сиянием, десятки раз уединялась с ним в примерочной и давно продумала, с чем буду носить, когда – именно когда, а не если – его заполучу. Я не какая-нибудь барахольщица, в моем шкафу не так уж много одежды. Вещи я покупаю не по указке модных журналов, а отталкиваясь от впечатления, которое хочу произвести. Это платье стало для меня символом той девушки, которой я мечтаю стать. Благодаря строгому крою, оно подошло бы студентке самого престижного университета страны, а блески и тончайшее кружево помогли бы сохранить легкость, смягчить официальный стиль.

Нарядившись, я первым делом отправилась в библиотеку и сдала справочник по ядам. Какое затмение нашло на мой разум? Как только мысль об убийстве сумела прокрасться в мою голову? Страшно представить, что могло случиться, не засни я вчера так рано. Отец, наверно, просидел голодным весь вечер. Слава Богу, он не надумал меня разбудить. Перед глазами встала картина задыхающегося папы, его большого, ослабленного сигаретами, алкоголем и жирной едой тела, бьющегося в конвульсиях. В груди защемило от жалости. Я закрыла лицо ладонями и потрясла головой, стараясь отогнать ужасающее видение. День прогуляла с одноклассницами, стараясь не вспоминать о яде. К вечеру девочки разошлись по домам. Лилькины родители пригласили меня пойти с ними на спектакль, но деньги, которые я заработала, занимаясь с пятиклашками английским, уже закончились. Поэтому, как и обещала папе, я вернулась домой к семи. Еле протиснувшись в дверь с горой бесполезных подарков, я услышала незнакомый голос:

– Вот это улов!

В дверях зала стоял, щурясь в мою сторону, длинный худощавый мужчина лет тридцати пяти.

– Еще бы, – отозвался отец, – небось, накормила полшколы мороженым.

– Только четверых, – улыбнулась я папе, проигнорировав замечание гостя.

– Юра, знакомься! Это моя дочурка, Алиса.

– Привет, – протянул покрытую розовыми пятнами руку Юра.

– Здравствуйте! – кивнула я и направилась в свою комнату.

Почему-то рядом с этим человеком я снова почувствовала себя пятилетней девочкой, встречающей взрослых гостей в канун Нового года. Как и тогда, сейчас мне захотелось спрятаться и просидеть в спальне весь вечер, пока гости не разойдутся по домам.

– Ну, что я тебе говорю? – заговорщически подмигнул ему отец.

– Алиска, чем будешь потчевать гостя? – кивнув отцу, спросил Юрий.

Не знаю, что поразило меня больше: наглость, или фамильярность, с которой он ко мне обратился. Никто в сознательной жизни не смел называть меня Алиской. Взрослым это не приходило в голову, а оболтусы-одноклассники меня побаивались с тех пор, как лет пять

назад, на спаренном уроке английского, мальчик с параллельного выкрикнул это имя через весь класс. Обратно к нему полетел трехкилограммовый учебник. В тот раз ему повезло – он успел пригнуться, но пару швов все равно пришлось наложить.

– Сегодня Восьмое марта, – придя в себя, сказала я. – Это женский праздник, и я вас не приглашала.

– Зато я приглашаю! – развел руками папа и, взяв гостя под локоть, повел в зал. – Оставайся ужинать. Я тебе говорил, Алиса здорово готовит. Не смотри, что у нее длинные ногти. Хозяйству это не помеха. Видал, какая дома чистота?

Услышав несвойственные отцу похвалы, я поняла, для чего он привел в дом этого человека. Лестница из планов, ведущая к крыльцу МГУ, треснула и рассыпалась. До меня вдруг дошел истинный смысл папиного намека, в котором, как выяснилось, не было и слова об олимпиаде. Отец решил выдать меня замуж!

– Папа! – я схватила его за рукав. – Давай сегодня посидим вдвоем, как собирались. Пожалуйста!

– Втроем будет веселее, – повернулся он и мне в лицо ударил запах перегара. – Юрка знает такие анекдоты, живот надорвешь.

– Мне сейчас не до смеха. Мало того, что ты напился в мой праздник, так еще...

– Кто это напился? Ты как с отцом разговариваешь?!

– Так еще привел домой незнакомого мужика! Зачем ты меня перед ним расхваливаешь? Я не новый телевизор, чтобы мной хвастаться!

– Почему это незнакомого? Да я Юрку с детства как облупленного знаю. С его батяней на рыбалку пацаном ходил. С Юркой десять лет на зоне отпахал.

– Мало того, что старый, он еще и вертухай.

– Ты откуда слов таких набралась?! Юрка, друг, – повернулся он к гостю, – поди пока.

– А ужин? – попятился к выходу Юрий, щурясь в мою сторону.

– Да он же слепой!

– В другой день. Разберусь тут, – махнул на меня отец, – и опять тебя позову.

Юрий спиной вперед перешагнул порог и закрыл перед собой дверь. Отец долго провожал его взглядом. Я подумала, что удастся проскочить в комнату, но папа неожиданно вспомнил о моем существовании.

– Я понимаю, ты невеста завидная, цену себе знаешь. Это хорошо. Но так же всех женихов распугать можно!

– Каких женихов?

– Хороших! Зря ты так с Юркой, он во какой мужик, – поднял большой палец отец. – Работящий, меня уважает. За ним бы не пропала!

– Не собираюсь я замуж!

– Зря, пора начинать. У меня на книжке денег хватает, можешь хоть завтра платье выбирать. У Юрки своя квартира, жить будете отдельно.

– Какое платье? Какая квартира?! – я схватилась за голову. – Он же старик!

– Тридцать пять – это разве старость? Не понимаешь, как тебе повезло! Он из хорошей семьи, давно бы женился, если б не эта вертихвостка Тонька. Первая красавица в городе была, не хуже тебя. А теперь где? Мать-одиночка!

– Так он тот самый бобыль? Папа, это же конченный человек! Говорят, он таскался с какой-то алкоголичкой, подцепил от нее заразу. Видел пятна у него на руках?

– А ты больше слушай, что говорят. Про тебя, небось, тоже сплетни ходят.

– У меня хорошая репутация, я поводов для сплетен не даю.

– Я тоже не давал, все равно сплетничали.

– Ты женился на легкомысленной девушке, – попыталась как можно мягче напомнить я. – Это весомый повод.

– Я этого не знал, – отмахнулся он. – Да и знай я тогда, все равно не устоял бы. Как она была хороша на том вечере на зоне! Все наши мужики так и увивались за твоей мамкой, а она выбрала меня.

– Еще бы! Только ты додумался сделать ей предложение.

– Хочешь сказать, я дурак?! Это она от меня ушла, она и дура! Жила бы со мной как человек. Приключений захотела. Нашла на свою жопу. Ничего, мы с тобой не пропадем. Я тебя на ноги поставлю, хочешь ты этого, или нет. Потом сама мне спасибо скажешь.

– Скажу! – закивала я. – Всю жизнь буду тебе благодарна. Только, пожалуйста, отпусти меня на олимпиаду!

– Опять двадцать пять! – всплеснул руками отец. – Я тебя на ноги поставить хочу, а не по миру пустить.

– Ты и поставишь! Я поступлю в МГУ, получу высшее образование.

– Я же не против института! Высшее образование – дело хорошее. Но в Москву-то зачем ехать? У нас что, институтов в городе нет?

– Только не МГУ.

– МГУ, ШМГУ. Пустой звук! Поступишь на заочное. Сможешь учиться и работать. Я сегодня за тебя словечко замолвил. До конца школы будешь работать полдня. Служба – дело такое: чем раньше устроишься, тем раньше выслужишься. Там и пенсия не за горами. А лучше бы выкинула всякую ерунду из головы да замуж вышла. Тогда хоть всю жизнь дома сиди.

– Не собираюсь я дома сидеть. Моя цель – посвятить жизнь достойному делу.

– По-твоему, зона – дело недостойное?!

– Достойное, но не мое. Папа, ты когда-нибудь читал мои статьи? Или хоть раз смотрел видео в интернете? Знаешь, сколько людей следит за моим блогом? Сотни! Разве это не значит, что я нашла свое дело?

– Это значит, что пора завязывать с играми, – он поднял руку и ткнул пальцем мне в лоб. – Выкинь блажь из головы!

– Это не блажь. Олимпиада – мой шанс в жизни. Папа, – я опустилась на колени и заглянула отцу в глаза, – умоляю, отпусти меня в Москву!

– Я тебе в последний раз говорю: у меня в Москве дочек нет.

Он взял со стола пульт и включил телевизор. Я поднялась с колен.

– Нет, и не надо. Хочешь от меня отказаться – пожалуйста. В июне мне исполнится восемнадцать, смогу поехать без твоего разрешения.

– Без разрешения сможешь, а без паспорта – нет, – ухмыльнулся отец.

– Что ты...

Я забежала в спальню, не договорив. Открыла шкаф и просунула руку между постельным бельем на антресоли. Там, где должна была лежать коралловая папка с документами, ничего не было. Подтащив стул, забралась на него и начала по очереди вытрясать пододеяльники.

– Зря мусоришь, – сказал отец, наблюдая через дверной проем, как я скидываю белье на пол. – Тебе же потом убирать. Паспорта там нет, и свидетельства о рождении тоже. Я их хорошо спрячу, туда, куда ты и с пяти стульев не залезешь. И в паспортный стол с бутылочкой схожу, чтобы новые тебе не выписывали. В ЗАГСе паспорт получишь, когда образумишься и блажь московскую из головы повыкидываешь.

Я слезла со стула. Не надевая дубленки, прямо в домашних тапках вышла на улицу.

– И про Лильку твою я тоже не забыл! – донеслось до меня из распахнутой двери. – Сегодня батьке ее по телефону звонил, он трубку не берет. Завтра сам пойду. Валерка Зуйков дело обещал поднять. Пускай ее родители знают, как дочку на гульки отпускать!

На улице стемнело. Лицо покалывал мелкий снег. Я открыла калитку и пошла по протоптанной дорожке, ничего не различая перед собой. Бежать, вот чего мне хотелось. Бежать подальше от мрачного дома, по самую крышу заполненного безысходностью, от серого переулка, на котором тускнеют даже мечты. Попыталась ускорить шаг, но тело меня подвело. Энергия, которую я черпала из веры в себя, иссякла. Обстоятельства оказались сильнее. Все пропало. Годы усердных занятий, учеба по четырнадцать часов в сутки, конкурсы, олимпиады – все напрасно. Пока одноклассницы бегали на свидания, я корпела

над учебниками. Они получили счастливую юность, а мне досталось разочарование. Но разве я была неправа? Отказываюсь в это верить! Я все сделала так, как должна была. Я заслужила свой шанс в жизни. Мне дали его подержать и тут же вырвали из рук. Видимо, отец прав. Выше головы не прыгнешь. Мой потолок – родители. Когда-то я смотрела фильм про «Ласковый май» и верила: если мальчики из детского дома стали суперзвездами, значит, каждый человек сможет добраться до вершины. Но у Шатунова не было родителей, которые держали бы его за ноги, когда он карабкался вверх.

За поворотом к градиенту слез и снежным помехам добавились огни фар дальнего света. Я отшатнулась от просвистевшего впереди автомобиля и пошла обратно. Отец сказал, что спрячет паспорт туда, куда я не дотянусь. Вряд ли он имел в виду чердак. Скорее всего, отдаст документы кому-нибудь на хранение, если уже не отдал. Нет, они в доме, иначе он не сказал бы об этом в будущем времени. Но сколько еще они там пробудут? Раз уж отец решил их перепрятать, он не станет долго ждать. Найти паспорт надо сегодня. Но как? Напоить папу до бесчувствия не получится – он сразу поймет, для чего мне это нужно. Купить снотворное негде – все аптеки закрыты. Дождаться, пока он уснет? У отца чуткий слух. Пожалуй, это единственное, в чем он проявляет чуткость. Стоило повернуть дверную ручку, как отец приглушил звук телевизора. Я сняла мокрые тапки и босяком перешагнула порог.

– Что мы сегодня будем есть? – спросил папа так, будто я никуда не уходила.

– Сейчас переоденусь и приготовлю макароны по-флотски, – ответила я и пошла к себе в комнату.

Как быть с Лилькой? Единственный проступок не должен стоить ей высшего образования. Что бы я ни придумала сегодня, завтра папа проснется и пойдет к ее родителям... Закрыв дверь, я начала стягивать с себя платье. Кружевная сетка зацепилась за сережку. Я с силой дернула за подол, сетка порвалась. Рука потянулась к мочке уха. На кончиках пальцев осталась кровь. Я бросила платье в корзину с грязным бельем. Вытащив сережки, сняла нижнее белье и отправила его вслед за папиным подарком. Хотелось избавиться от всех вещей, которые касались этого проклятого платья. Я открыла ящик, чтобы достать чистые трусики. Вытащила первые попавшиеся и замерла. Под ними оказался сложенный вчетверо тетрадный лист.

Сколько раз я пожалела, что принесла его домой? Достаточно, чтобы яд испарился, исчез, как будто его никогда там и не было. Я развернула бумагу. В центре лежал прямоугольник из утрамбованного белого порошка. Чем не снотворное, усыпляющее раз и навсегда? Вот оно, чудодейственное средство, способное вмиг изменить нашу с Лилькой судьбу. Стоит только присыпать настоящее белым порошком, и можно нарисовать новое будущее. Светлая квартира в Москве вместо обнищавшего дома здесь, творческая работа журналиста вместо службы на зоне, великая жизнь вместо прозябания. Всеобщее уважение за подвиги вместо презрения за попытки. Сила вместо слабости.

Я надела домашний костюм, свернула листок и положила его в карман. На кухне горел свет. Отец, не дождавшись ужина, рылся в холодильнике. Увидев, что я наливаю воду в кастрюлю, папа хлопнул дверцу и ни с чем вышел из кухни. Я поставила кастрюлю с водой на плиту и долго наблюдала, как всплывают крошечные пузырьки. Потом закрыла крышку, чтобы вода быстрее закипела, и отошла к окну. Под фонарем, как стая светлячков, кружили снежинки. На секунду мне показалось, что на улице лето, а с сегодняшней ночи прошло полгода. Лилька поступила в медучилище, а я, как и большинство моих одноклассников, устроилась на работу. Потом светлячки снова превратились в снежинки, и наступила следующая зима. За ней пришло очередное, бесчисленное лето, а я все еще была здесь, в этом году, снова и снова возвращаясь к главному в жизни выбору.

Сзади раздался скрежет. Крышка подпрыгнула на кастрюле, брызжащей кипятком. Я высыпала макароны и принялась помешивать, представляя, что это мое главное занятие с сегодняшнего дня. Больше не надо учиться, читать книги по психологии, писать статьи, тренировать речь и записывать уроки для блога. Теперь у меня масса свободного времени

и только одна обязанность – стоять у плиты. Чем бы заняться сегодня вечером? Может, посмотреть с папой «Ты не поверишь!» и узнать, сколько на самом деле пластических операций сделал Басков? В горле запершило, на глаза навернулись слезы. Я выронила ложку и спрятала лицо в ладони. Это нечестно! Жизнь несправедлива. Хотя нет, жизнь наградила меня победой на олимпиаде, дала шанс, а отец его отобрал. Жизнь подарила мне внешность, ум и талант оратора – все, что нужно журналисту. Я не имею права отказываться от такого подарка. Я не смогу без этого жить.

Не дожидаясь, пока доварятся макароны, я сняла кастрюлю с плиты и слила воду. Вытряхнула содержимое консервной банки и принялась перемешивать. Горячие макароны то и дело вылетали из кастрюли, попадая мне на руки. Я не боялась обжечься. Я вообще ничего не боялась, а только гребла ложкой, как веслом. Лилька сама лишила себя будущего, когда сошлась с дурной компанией, но именно я потянула ее в МГУ. Из-за меня она станет не просто обычной медсестрой в городской больнице, а всеобщим посмешищем, неудачницей, которая невесть что о себе возомнила, а на деле оказалась такой же, как все.

Сердце колотилось, комната подрагивала перед глазами. Я схватила кастрюлю за раскаленные ручки и наклонила, чтобы выложить содержимое в две тарелки. Обернувшись к двери, сквозь слезы не разглядела, есть ли кто-то поблизости. Боясь передумать, я не медлила. Вытащив из кармана сверток, высыпала порошок в одну из тарелок, весь, без остатка. Отошла за вилками, а когда вернулась, не поверила своим глазам: яд растворился, от порошка не осталось даже следа. Я всунула по вилке в каждую тарелку и тщательно размешала макароны. Взяла еду. Как обычно, понесла в зал. Наклонившись к столику возле телевизора, замерла. В спешке я положила одинаковые порции и теперь не была уверена, в какой из тарелок яд. Кажется, в той, что справа. А вдруг перепутала, и отравы в тарелке слева? Еще не поздно передумать, сказать папе, что макароны не доварены, или тушенка протухла. Нет. Будь что будет. Или он, или я. Передав отцу тарелку из правой руки, я села рядом и поднесла вилку с нанизанной макарониной ко рту.

– А где кетчуп? – заглянул в тарелку папа.

Я всунула вилку обратно в макароны и, поставив тарелку на стол, пошла на кухню.

– Майонез тоже захвати! – крикнул вдогонку он.

Что бы я ни приготовила, папа всегда поливает это майонезом и кетчупом. По крайней мере, не надо беспокоиться, что он почувствует вкус яда, если конечно порошок попал в его тарелку. Когда я вернулась в зал с двумя бутылками, обе тарелки стояли рядом, в середине стола. Я протянула отцу кетчуп и майонез, чтобы занять его руки и первой выбрать тарелку, вилка в которой торчала в центре, а не лежала с краю. Он принялся заливать макароны кетчупом, стуча по дну бутылки. Я уставилась невидящим взглядом в телевизор. Набила рот. Не жуя, проглотила полпорции макарон. Почувствовала, что меня вот-вот вырвет. Запах тушенки вызывал тошноту, поэтому мне пришлось поставить тарелку на стол и отодвинуть подальше. Отец закинул остатки из своей тарелки в рот. Выжидающе на меня посмотрел.

– Ты будешь доедать? – спросил он, проглотив.

Я покачала головой и отвернулась к телевизору. Яда хватило бы на десятерых, значит, кто-то из нас, а может быть и мы оба, сегодня умрет. Снова покосилась на отца. Он закинул последние макароны в бутылку с кетчупом и, покрутив, высыпал их в рот. Пару раз подвигав челюстью, отец проглотил макароны. Я проследила за ним, не дыша. Побоялась выдохнуть, даже когда еда закончилась. Отец вытер рот тыльной стороной ладони и уставился в телевизор. Я продолжала на него глядеть, как будто с последней макарониной прозвучал сигнал, по которому отец должен был упасть замертво, но ничего не произошло. Папа заметил мой взгляд и спросил:

– Ты не собираешься идти учиться уроки?

– Нет, – я отвернулась и снова уставилась в экран. – Буду смотреть телевизор.

– Ну и правильно. Хватит забивать башку ерундой.

Не фокусируясь на картинке, я искоса наблюдала за отцом. То ли от мельтешения по телевизору, то ли от яда, у меня закружилась голова. Под левым ребром закололо,

макаронны подступили к горлу, в ушах поднялся гул. Я потянулась за пультом, чтобы сделать тише, но большой палец дрогнул и соскользнул с кнопки. Отец облокотился на спинку дивана и, позевывая, смотрел телевизор. В справочнике я прочитала, что яд может не подействовать, если человек плотно поел. Отец, конечно, набил живот, но ни один ужин не способен нейтрализовать действие такого количества порошка. Может, реактивы в кабинете химии просрочены? Тогда почему мне так плохо, что я, кажется, вот-вот свалюсь без сознания? Скорее всего, это нервы. Или яд подействовал быстрее на тело меньшего веса. Лилька наверняка смогла бы мне все объяснить, но ее об этом спрашивать нельзя.

– Сделай-ка чаю, – не отрываясь от телевизора, сказал отец.

Вернувшись из кухни, я заметила, что он уже не сидел, а полулежал на диване. Папа залпом выпил литровую кружку еле теплого чая и отрыгнул. Я присела на кресло рядом с диваном, а он улегся, вытянув ноги. Около двадцати минут мы молча смотрели телевизор, пока отец не повернулся в мою сторону:

– Ты проверила срок годности тушенки?

– Да, а что?

– На крышке, или на этикетке?

– На крышке. Почему ты спрашиваешь?

– Живот болит. Видно язва опять дает о себе знать.

Головокружение и тошнота прошли, как будто они были частью сна, от которого я пробудилась. Руки перестали дрожать, в голове прояснилось. Действие яда должно походить на сердечный приступ. Боль в животе – плохой признак. По нему можно заподозрить отравление.

– Это все водка, – как будто со стороны услышала я свой на удивление спокойный голос. – Врач предупреждал, что тебе нельзя алкоголь.

– Ерунда, – отмахнулся папа, – поболит и перестанет.

Несмотря на оптимизм, он застонал и повернулся на бок. На его лбу выступила испарина. Мне стало жалко этого старого и слабого человека. Именно таким он сейчас выглядел. Не осталось следа от его черствости и несгибаемости. Судя по выражению лица, в эту минуту он был готов согласиться на что угодно, лишь бы избавиться от боли. Я поймала себя на мысли, что это только начало. По спине побежали мурашки. Теперь на диване лежал не тиран, который пытался выдать меня замуж и наотрез отказывался отпустить в Москву, а мой настоящий отец – жалкий и безвольный человек, не справляющийся даже с приступами лени, не говоря уже о боли.

– У нас в аптечке есть что-нибудь от живота?

– Там только мамины лекарства. Они давно просрочены.

– Может, хоть активированный уголь найдется? Сходи, поищи.

Я вышла из комнаты и постояла пару минут за дверью, прислушиваясь к папиным стонам. По ним было сложно определить, как сильно подействовал яд. Отец всегда кричал даже от малейшей зубной боли. Посчитав до десяти, я вернулась в зал.

– Ничего. Нет даже активированного угля.

– Послушай, – сказал он, облизывая пересохшие губы, – набери ноль три. Что-то мне совсем худо.

Вот это действительно плохой признак. Если отец чего-то и боится сильнее боли, то врачей.

– Давай я сделаю тебе еще чаю, – попыталась уговорить я, – а лучше попей воды, она разбавит водку.

– Хватит нести ахиною! – выкрикнул он. – Мне нужна не вода, а таблетки. Звони в скорую, кому говорю!

Папа подхватил с пола тапок и швырнул в мою сторону. Тот не пролетел даже половину расстояния. Я подошла к телефону. Взяв аппарат в руки, подняла трубку и одновременно зажала рычаг.

– Здравствуйте, – сказала я тишине, дважды прокрутив телефонный диск. – Нам нужна

помощь. У моего папы болит живот. У него язва, а сегодня днем он выпивал с друзьями...

– Замолчи! Не их собачье дело, как я провожу досуг. Пусть приедут и дадут мне какую-нибудь таблетку.

– Врач спрашивает, чем мог быть вызван приступ, – сказала я отцу и снова обратилась к тишине в трубке. – Да, доктор запретил ему употреблять спиртное.

– Черт подери этих врачей! Скажи, я помираю, пусть едут быстрее!

Отец взвыл от боли. Я продиктовала в трубку адрес и попросила вымышленных медиков поторопиться. Папа свернулся калачиком на диване. Его тело подпрыгивало в лихорадке. Пусть не так, как я ожидала, но яд все-таки подействовал. Вместо того чтобы в считанные минуты потерять сознание от нехватки кислорода и умереть, папа корчился и стонал от боли. Что делать дальше? Наблюдать за его агонией? Такой тяжелой смерти не пожелаешь даже врагу, не говоря уже о родном отце. Если бы я знала, какие мучения ему предстоит вынести по моей вине... Отступать слишком поздно. Даже если я вызову скорую и расскажу про яд, врачи ничем не смогут помочь. Чтобы хоть немного облегчить папины страдания, я пошла на кухню за стаканом воды. На полпути меня остановил стук в дверь. Замерев на месте, я прислушалась к звукам снаружи. Кто-то нетерпеливо топтался на крыльце. Стук повторился. Я попятилась в зал, когда в окне показался знакомый силуэт. Соседка прижалась щекой к стеклу и заглянула в комнату.

– Алиса, я тебя вижу! – постучала костяшками пальцев по стеклу она. – Открывай дверь, красавица, я принесла гостинец!

Соседка чокнулась с окном бутылкой вина. Проигнорировать ее было бы слишком подозрительно. Мне пришлось открыть дверь. Несмотря на солидный возраст и лишний вес, она с легкостью перепрыгнула через порог и, стряхивая снег с белокурых кудряшек, протянула мне бутылку.

– На-ка! – вытащила из-за пазухи шоколадку. – И пальтишко повесь.

Сбросив пальто, соседка осталась в тонком сарафане, лямки которого врезались в шею, а резинка разделила грудь надвое по горизонтали. Причмокнула губами, чтобы подправить помаду и спросила:

– Батя где? К нему сегодня друг приходил, я в окно видела. Небось, пьяненький спит?

В ответ из комнаты донесся стон. Она всплеснула руками и побежала на звук.

– Гена! – ее всегда улыбочное лицо приняло озабоченное выражение. – Что с тобой случилось?

– Живот, – прохрипел отец.

– Болит животик, – закудаhtала над ним соседка. – Ничего, сейчас найдем лекарство, и боль отступит. Алиса, где у вас таблетки?

– Я уже искала. Ничего нет.

– Сбегаю домой, принесу что-нибудь от несварения.

– Это не поможет, папе плохо с сердцем, – проговорила я тихо, чтобы не услышал отец. – У него закололо в груди, и онемели кончики пальцев.

– Странно, а держится за живот. Вот мужики!

Папа снова застонал и прикрыл глаза. На неестественно бледном лице проступили капельки пота. Соседка попятилась к двери и прошептала мне на ухо:

– Может, вызвать скорую?

– Не надо, – я оперлась о стену, чтобы удержаться на трясущихся ногах. – Отец разозлится.

– Да, конечно, – закивала она, переоценивая папину храбрость. – Ты смотри, как его колбасит.

Он поднял голову и, широко раскрыв рот, высунул язык. Оттуда, как из гейзера, наружу полилась рвота.

– Тетя Галя, – с трудом сглотнула я, – может, зайдете завтра?

– Что ты, разве можно оставлять его в таком состоянии!

Отец снова застонал и, опустив голову, уставился мутными расширенными зрачками

в стену.

– Нет, пусть злится, сколько хочет, а я вызову скорую. Боже ты мой! – взвизгнула она, увидев, как на папиных губах проступила пена.

С трудом попадая ногтями в отверстия, соседка дважды крутанула телефонный диск. Назвав сначала номер своего дома, она тут же исправилась и попросила скорую приехать как можно быстрее. У меня потемнело перед глазами, в ушах застучал метроном.

– Ну вот, – сказала она, положив трубку. – Остается только ждать. Что-то он больше не кричит.

В ответ раздался хрип. Тетя Галя подошла к дивану, присела на корточки возле отца. Я опустила в кресло и, закрыв лицо руками, принялась молиться о том, чтобы врачи скорой не застали папу в сознании.

– Правильно, Алисочка! Давай вместе. Отче наш... – затянула она.

В этот момент я ощутила весь ужас происходящего. Сидя друг напротив друга, мы вместе молились о противоположном: тетя Галя просила Бога о спасении, а я – о скорейшей смерти. Моя мольба оказалась действеннее: закатив глаза, папа высунул язык и захрипел. Его тело сотрясла судорога. К зловонию рвоты примешался запах кала. Не закрывая рта, он схватился обеими руками за горло и обмяк.

– Ой, мамочки! – вскрикнула соседка и отскочила от дивана. – Он не дышит! Ты смотри!

Одной рукой она зажала себе рот, а второй указала на безжизненное тело отца. Я закрыла глаза и опустила голову на спинку кресла. Нельзя думать о том, что сейчас произошло. Нужно держать мысли на расстоянии. Впереди еще много испытаний. Я должна все выдержать, ради папы. Иначе получится, что он зря... Нет, все-таки хорошо, что пришла тетя Галя. Мне не придется разговаривать с врачами. Кажется, я вообще больше не смогу говорить.

Все, что я помню о ночи, когда папа умер – это шум. Сирена скорой помощи, голоса, топот, скрип входной двери. Не знаю, открывала ли я глаза, отвечала ли на вопросы. Кто-то постоянно трогал меня за плечо, что-то шептал на ухо. Я то ли кивала, то ли просто покачивалась взад вперед. Утром наступила тишина. Когда я, наконец, открыла глаза, в комнате было светло. Я машинально поднялась и огляделась. Кресло сохранило отпечаток моего тела. Казалось, оно единственное стояло на своем месте. Мебель как будто гуляла ночью по комнате, а к утру остановилась там, где ее сморил сон. Крупинки грязи покалывали босые ступни. Легкое ощущение боли помогло мне снова почувствовать себя живой.

На диване лежал аккуратно расправленный плед. Почему-то я точно знала, что отца увезли в морг. Его тела больше не было в доме. От этой мысли мне стало спокойнее. Я оглядела комнату в поисках стола. Он оказался возле окна. На столе было пусто. Наверно, соседка рассказала, что у папы болел живот, и посуду забрали на экспертизу. Если так, все пропало. Я вышла из комнаты и, распахнув дверь на кухню, вздохнула с облегчением. Грязная посуда стояла в раковине. Недолго думая, я схватила первое попавшееся полотенце и завернула в него обе тарелки. Достав из ящика с инструментами молоток, размахнулась и ударила по свертку. Раздался звон бьющейся посуды. Я продолжала стучать по полотенцу до тех пор, пока звон не перешел в шуршание. Вилки бросила обратно в раковину и вылила на них полбутылки Фейри. В то время как они отмокали, принялась натирать губкой литровую чашку, из которой отец запивал ужин. Впервые заметила несмываемую темную окантовку и тут же представила, как яд с губ отца проникает в микроскопические трещины по краям. Чашка отправилась вслед за тарелками. Я снова взялась за молоток и орудовала им, пока не убедилась, что завернутый в полотенце мусор больше не похож на посуду.

Накинув дубленку на плечи и натянув сапоги, я добежала до соседнего двора. Вытряхнула в мусорный бак возле пятиэтажки содержимое полотенца и, свернув его грязной стороной внутрь, отнесла обратно в дом. Выбрасывать мусор в полотенце из набора кухонного текстиля с видами Великого Новгорода, который мама прислала мне в подарок на Новый год, было слишком опасно. Я засунула его в полку с грязным бельем в своей

комнате. Вряд ли кто-то стал бы искать там улики. Последнее слово застряло у меня в голове. Под ложечкой засосало так, будто я, во что бы то ни стало, должна была что-то сделать, но забыла об этом. Я машинально похлопала себя по бокам, под правой ладонью что-то зашуршало. Вытащив из кармана лист бумаги, на котором наверняка еще оставался невидимый глазу порошок, я побежала в ванную. Выхватила из-под газовой колонки коробок спичек и подожгла край листка. Бумага горела настолько медленно, что я не побоялась бы сбрызнуть ее бензином, будь у меня под рукой горючее. Я держала ее над унитазом, пока огонь не обжег пальцы. Тогда выронила уголок листка и нажала на слив. Вода закружилась в унитазе, засасывая пепел. Бачок опустел, а крошечный бумажный треугольник все еще продолжал плавать на поверхности. Я загнала его ершиком на дно и, дождавшись, пока вода снова заполнит бачок, смыла. На этот раз от листка не осталось и следа. Мне и этого показалось мало. Я вылила в унитаз все чистящее из бутылки с длинным носом и принялась орудовать ершиком. Не знаю, сколько времени продолжалась бы уборка, если бы сзади не раздался голос:

– Алиса, ты что делаешь?

На пороге ванной стояла соседка, тетя Галя. Глядя на меня, она сложила на груди руки и покачала головой.

– Бедный ребенок. Вырвало тебя, да? Давай, подымайся, – подхватила меня под руки она. – Оставь ты унитаз, потом почистишь. Бросай ершик, айда собираться. Надо Генкину одежду в морг отвезти. У него выходной костюм-то был?

Я кивнула и, оглянувшись на унитаз, пошла в комнату отца.

– Тяжело тебе без папки придется, – подгоняя меня, приговаривала соседка. – Ну ничего, люди помогут. Зона денег на похороны даст, сослуживцы венки справят, я кого надо обзвоню. Поминки шикарные не закатывай. Придут все свои, посидим, как Генка любил. Сама знаешь, что я тебе объясняю. В морге когда-нибудь была?

Я покачала головой.

– Ничего, найдешь дорогу. Город маленький, не заблудишься. Ну все, я пошла.

– Куда?

– Как куда? На работу. Мертвым все равно, а живым кушать надо. Ты девка самостоятельная, справишься.

Тетя Галя оказалась права. Я справилась. Нашарила внутренний выключатель, отвечающий за эмоции, но вместо того чтобы просто опустить рубильник, выдернула подведенные к нему провода. Удержалась от звонка матери, сходила к начальнику зоны и, не потратив ни рубля из отцовских сбережений, организовала похороны. Соседка притащила ковер, чтобы «не краснеть перед людьми», а когда я призналась, что в доме нет ни одной целой тарелки, принесла еще и кухонный сервиз.

Под предлогом генеральной уборки, я перерыла весь дом в поисках документов. Коралловая папка так и не нашлась. Видно, отец все-таки успел вынести ее из дома. После его смерти мне бы никто не помешал написать заявление в паспортный стол, но до очного тура олимпиады было слишком мало времени. К тому же, этим я могла привлечь к себе лишнее внимание. Оставалось действовать по нашему с Лилькой плану и готовиться к летним экзаменам.

Хоть лучшая подруга и старалась помочь, от ее присутствия становилось только хуже. За что бы она ни бралась, все приходилось переделывать. Но ее настороженный взгляд волновал меня больше потраченных впустую денег и времени. Я не могла понять, что творится в Лилькиной голове: то ли она поражается моей организованности, то ли что-то подозревает. Я надеялась, что мне это только кажется, но окончательно уверилась в своих опасениях, когда Лилька поинтересовалась, не знаю ли я, зачем папа звонил им домой перед смертью. Естественно, я не знала.

Среди тех, кого позвала тетя Галя, и кто пришел без приглашения, оказался старый друг отца, коротконогий пузан в жилетке грязного цвета и с залысиной на затылке, Валерий Петрович Зуйков. Тот самый дядя Валера. Следовательно, которого папа обещал натравить

на Лилькиных родителей. Он все время кривился и был чем-то недоволен.

– Ну что за чашки такие, – в очередной раз пробурчал Зуйков, – я с игрушечной посуды пить не привык.

– Сейчас подолью вам чаю, – вскочила со стула и потянулась к чайнику я.

– Во Валерка, как барину тебе подливают, – усмехнулась тетя Галя. – Дочка твоя тоже так за папкой ходит?

– Дочка-бочка... – пробормотал Зуйков, чем вызвал у сидящих за столом приступ хохота.

– Как, призналась она, кто папаша?

– Признается, держи карман шире... Раньше, бывало, по жопе ремнем отхожу, все как на духу выложит. А теперь не положено, пузатая.

– Какое там пузо, – отмахнулась бабуля из дома в конце улицы, – Видела я твою Катюку на масленицу. Плоская совсем! Стоит, с мальцами гогочет. А они так и вьются вокруг красоты неземной, так и вьются! Может, и не беременная она?

– Красота, – скривился Зуйков, – безмозговая. Пятый месяц уже брюхатая. Нет бы раньше мамке признаться, в больницу б отвели, к врачу знакомому. Раз и готово! А теперь поздно уже. Пусть только попробует мне девку родить, выгоню из дома к чертовой бабке, тещичке моей ненаглядной!

– Тебе не угодишь, – снова залилась смехом тетя Галя.

– Не хватало еще, чтоб ее приبلуда лет через пятнадцать в подоле принесла. Мужика пусть рождает, внука! – поднял он чашку и разом проглотил весь чай.

– Не умеем мы по заказу рождать, Валерка, – покачала головой тетя Галя.

Я снова потянулась к нему с чайником.

– Налей-ка мне, лучше, в отцовскую кружку, – оттолкнул мою руку Зуйков, обдав гнилостным запахом изо рта. – В ту, что я ему на Двадцать третье подарил, литровую.

– Она разбилась, – еле слышно проговорила я.

– Чего? – наморщил нос он. – Неси ее сюда, я склею. Будет как новая.

– Не могу, я ее выкинула.

– Как выкинула? Это ж память об отце! Во дает!

– Сейчас память, – нашлась я, – а неделю назад, когда папа ее уронил, была всего лишь разбитой кружкой.

Довольная своим ответом, я оглянулась на остальных гостей. Улыбка, заигравшая на моем лице, сникла, стоило мне встретиться взглядом с лучшей подругой.

– Алиса, помнишь, за день до смерти твоего папы я оставалось у вас ужинать? В тот раз дядя Гена пил из огромной кружки, с богатырем на всю высоту.

– Мой подарок! – хлопнул себя по груди Зуйков. – Силушки желал Генке богатырской, а оно вон как вышло...

– Лиль, ты перепутала. Это было давно.

– Я хорошо помню! Мы как раз записывали видеопоздравление к Восьмому марта.

– Правильно, только кружка тогда уже разбилась. Ты видела ее на прошлой неделе, когда мы снимали урок про ароматическое мыло.

Лилька промолчала, но взгляд не отвела.

– Да, сказали бы мне неделю назад, что Генка помрет, – покачала головой тетя Галя, – ни за что бы не поверила.

– Я и сейчас не верю! – стукнул кулаком по столу следовательно.

– Валерка, ты с ума, что ли, сошел? – подпрыгнула на стуле бабуля-соседка. – Ты ж сам его в гробу нес и в лоб целовал.

– Кто я, по-вашему, дурак? Ясное дело, нет больше Генки. Не верю я, что здоровый мужик, мой ровесник, помер от сердечного приступа. Такое только с артистами бывает, и то не по-настоящему. Обпился, обкололся, застрелился. На все одна отговорка – сердце остановилось. Так и тут.

– Звезда наш Генка! – прыснула со смеху тетя Галя. – Брось, ни кололся он. Водочку

попивал, и то, только по праздникам. Про застрелился и говорить нечего. Своими глазами видела, как он на диване корчился. Стонал, за живот держался.

– Чего б ему за живот держаться, если сердце прихватило? – отодвинув от себя тарелку, Зуйков вытащил из кармана жилетки блокнот на кольцах. – Ты про это врачу со скорой рассказала?

– Как-то не подумала, – нахмурилась она.

– Зря, – следователь достал из соседнего кармана автоматическую ручку и, шлепнув по колпачку коротким толстым пальцем, что-то начирикал в блокноте. – Вот никто проверять и не стал. Экспертизу бы провести...

– Ты чего, Генку выкопать хочешь? – подбоченилась бабуля.

– Не кудахчите, никто вашего Генку трогать не будет. Все, что надо, у него в морге уже взяли. Теперь бы в Москву отправить, на компьютере проверить.

– Вот и отправь, что б ни думалось.

– Отправь! Легко сказать. Эта экспертиза денег стоит, да еще каких. Кто ж мне на нее разрешение даст?

– Тогда и говорить не о чем, – заулыбалась она и предложила: – давайте лучше покойничка помянем, чтоб земелька ему пухом была.

Гости потянулись за рюмками. В доме стало настолько тихо, что поворот ключа в замке показался мне грохотом рушащейся крыши. Сердце, весь день колотившееся как сумасшедшее, вдруг замерло. Я затаила дыхание и прислушалась к шагам в прихожей. Единственное, что могло окончательно ухудшить мое положение, все-таки случилось. Тетя Галя, заметив, как я съезжаю со стула, принялась хлопать меня по щекам. Лилька подбежала со стаканом. Соседка предложила набрать воды в рот и окатить меня, но я взглядом выпросила у Лильки стакан. Меня колотило, руки дрожали так сильно, что вода выплескивалась на пол, не попадая в рот. В очередной раз, поднося стакан к губам, я заметила пристальный взгляд следователя Зуйкова. Не хватало еще, чтобы он связал мой приступ с разговором про экспертизу. Его болтовня меня несколько не тронула. Выявить яд в нашем городе невозможно, а экспертиза в Москве стоит так дорого, что о ней он может даже не мечтать. Только реальная угроза застрять в этом кошмаре могла довести меня до полубоморочного состояния. Я окончательно погрузилась в темноту, когда с дорожной сумкой на плече и мужиком под руку на пороге комнаты появилась мама.

– Алиса, держись, – склонилась надо мной она, когда я открыла глаза. – Мы должны быть сильными.

Сильной? Ты? Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться ей в лицо, но вместо этого кивнула и покосилась на вошедшего с ней мужчину.

– Это Саша, твой отчим.

– Можно просто Санчо, – протянул руку он.

В нос ударил запах недешевого, но настолько концентрированного одеколona, что меня передернуло. Я в очередной раз собралась с силами и подала ему руку. Он повернул ее ладонью вниз и поцеловал, бросив на меня взгляд из-под накрашенных черной тушью ресниц. Этого я уже не вынесла и, отдернув руку, вжалась в спинку кресла.

– До чего же ты хороша, – проигнорировал мою реакцию Санчо. – Вся в мать! Валюшка, твоя копия.

– Оставь ребенка в покое, – потянула его к другому концу стола мама. – Поминки – не лучший момент для знакомства.

Гости начали пересаживаться, освобождая за столом место для матери и ее любовника. Тетя Галя пошла на кухню за чистой посудой. Рядом со мной осталась только Лилька.

– Помоги мне встать, – я взяла подругу за локоть. – Надо умыться.

В ванной я попросила Лильку выйти и уже собиралась закрыть дверь, как на пороге появился следователь Зуйков. Он перешагнул порог одной ногой и замер. Задрав голову, наморщил нос и уставился на меня.

– Скажи-ка, чем ты папку накормила?

– Что?!

– Какую еду ты готовила в день его смерти на завтрак, обед и ужин?

– На завтрак омлет, на ужин макароны по-флотски. Обед я не готовила. Мы с одноклассниками отмечали Восьмое марта в кафе.

– А батя что ел?

– Не знаю, – пожалала я плечами и, не удержавшись, спросила: – а почему вас это интересует?

– Дело надо заводить, девонька. Убили твоего папашу.

– С чего вы взяли? У отца давно побаливало сердце, неудивительно...

– С каких это пор?

– С тех, как ушла мама, – соврала я.

На самом деле уход матери больше затронул желудок отца, чем его сердце. Первые полгода, пока я училась готовить, нам во всех смыслах приходилось не сладко.

– Так что ж он, и к врачу ходил?

– Нет, – отмахнулась я, – вы же его знаете. Старался не замечать, а как кольнет сильнее – выпивал таблетки и все проходило.

– Покажи.

– Что показать?

– Таблетки эти, – подтолкнул меня в спину Зуйков. – Показывай!

Я наклонилась к ящику под раковиной и мысленно обратилась к вселенной с просьбой: хоть бы мамины старые пилюли оказались на месте. Так и было. У отца руки не дошли выкинуть просроченные лекарства, впрочем, как и все остальные напоминания о мамином существовании. Он по ней не скучал, просто не собирался избавляться от хороших вещей из-за развода.

– Вот, – протянула я руку, чтобы вытащить пачку перевязанных резинкой бумажных упаковок.

– Не трогай, я сам! – похлопал себя по ребрам Зуйков. Перерыв с десятков карманов жилетки, он выудил целлофановый пакет и натянул его на руку. – Хм... Поглядим. Так они же просрочены!

– Знаю, – как можно беззаботнее пожалала плечами я. – И папа знал, но ему было все равно. Он говорил, что портятся только натуральные продукты, а химия есть химия. Глотал эту гадость горстями и даже не думал покупать новые лекарства.

Зуйков натянул пакет на пачку с таблетками и вышел из ванной. Закрыв за ним дверь, я наконец-то смогла выдохнуть. Присела на крышку унитаза и обхватила голову руками. Что теперь будет? Папа в жизни не прикасался к таблеткам. Если нужно было что-то найти в ящике с лекарствами, он всегда звал меня. Что сделает Зуйков, когда не найдет на упаковках папиных отпечатков? Или он и не собирается их искать? Тогда зачем ему таблетки? И для чего матери понадобилось приезжать на похороны, да еще с вещами и любовником в придачу? Столько вопросов без единого ответа! Голова отказывалась думать, опускаясь все ниже и ниже, как будто вместо мозга в черепной коробке образовалось свинцовое ядро. Тело само собой сложилось пополам. Я уткнулась носом в колени и просидела так до тех пор, пока из-за стены не донеслись голоса.

Гости собрались в прихожей. Мне пришлось подняться, чтобы их проводить. Выйдя из ванной, я ухватилась за стену: пожимая руки и обнимаясь на прощание, как хозяйка дома, гостей провожала мама. Я наблюдала и ждала, когда же кто-нибудь из друзей отца поставит ее на место. Ничего подобного. Так же, как и при его жизни, после смерти они делали вид, будто ничего особенного она не натворила.

Покачиваясь из стороны в сторону, я поплелась на кухню. Сфокусировалась на раковине, по кран заставленной грязной посудой, когда кто-то положил руку мне на плечо. Вздрогнув, я оглянулась и увидела Санчо, прятавшегося за углом.

– Лиса Алиса, – улыбнулся он, – а не подскажешь ли, где в вашем сказочном лесу можно отдохнуть душой и телом?

– На поле дураков, – вырвалось у меня.

– А поконкретнее? – продолжал улыбаться мамин любовник.

– По дороге направо, за пятиэтажным зданием, – махнула я в сторону ближайшей пивнушки.

– Мерси!

Санчо поклонился и, натянув на голову черную лакированную кепку, боком выскользнул из кухни. Обтянутые бархатными штанами по-женски округлые ягодицы, выпирающий живот, крашенные в черный цвет волосы и, кажется, вытатуированная подводка вокруг глаз – ну и вкус у мамочки! Хотя, какая мне разница. Главное не затевать конфликт, раз он настроен дружелюбно. Может, с его помощью удастся вернуть ее туда, откуда она явилась.

– Ты уже начала мыть? Погоди, – раздался сзади голос матери, – я принесу остальную посуду.

– А я-то, наивная, подумала, что ты хочешь постоять у раковины.

– Алиса, – остановилась она на пороге, – давай забудем обиды.

– Ты для этого приехала? Тогда забыли, можешь возвращаться домой.

– Я хочу, чтобы мы по-настоящему простили друг друга.

За что она собирается меня прощать?! Я не успела задать вопрос до того, как мать лишила меня дара речи заявлением:

– Тем более мне не нужно ни куда возвращаться, это и мой дом тоже. Я, между прочим, здесь прописана.

Так вот в чем дело, ей нужен дом. Ничего, я все равно не знала, что делать с полуразвалившейся хибарой. Продать ее в таком состоянии не получится, а заниматься ремонтом некогда – впереди ЕГЭ и вступительные испытания в МГУ. Пусть забирает.

– Знаешь, о чем я подумала? – щебетала мама, принося из комнаты по одной тарелке за раз. – Как здорово было бы привести дом в порядок и зажить здесь втроем, одной семьей.

– Лучше не придумай. Только ремонт стоит денег. Твой Санчо хорошо зарабатывает?

– Соседи говорили, папа отложил на ремонт пособие в двадцать окладов.

– Вообще-то, он оставил эти деньги мне.

– Конечно тебе. Думаю, нам необязательно дожидаться твоего совершеннолетия. Я как твой законный представитель могла бы получить свидетельство о праве наследства и снять деньги со счета сейчас.

Законный представитель, свидетельство о праве наследства... Мама явно подготовилась к возвращению, скорее всего даже проконсультировалась у юриста.

– В июне мне будет восемнадцать, тогда и снимем, – заверила я мать и, чтобы ее успокоить, добавила: – Зачем возиться с лишними бумажками и переплачивать адвокатам, когда ждать осталось всего три месяца?

– Твоя правда, лучше подождем. Летом и ремонт делать приятнее.

– А как на счет моей учебы?

– Учеба? Ах, вот ты о чем беспокоишься, – улыбнулась мама. – Алиса, ты же настоящий вундеркинд, поступишь на бюджет!

А в Москву пойду пешком, как Ломоносов, хотела сказать я, но передумала, когда мама добавила:

– И вообще, до сентября еще времени много. Вот окончишь школу, с подружками начнешь гулять, с парнями знакомиться, влюбишься... Почувствуешь, что такое быть желанной! Какая там учеба?

Я непроизвольно подняла глаза к потолку.

– Ну а если карьеру решишь строить, любовный опыт все равно лишним не будет. Начальники, по большей части, мужчины. Когда есть, что предложить им взамен, гораздо легче получить поддержку.

Довольная собой, мать поставила последнюю тарелку рядом с раковиной и упорхнула

в папину спальню. Я же осталась наедине с грудой посуды и ворохом мыслей. Даже если сейчас мне удастся ее перехитрить, ничто не мешает матери заявить права на сбережения бывшего мужа через три месяца. С помощью хорошего адвоката это вполне реально проверить. У матери куча знакомых мужчин самых разных профессий, по завоеванию поддержки у нее большой опыт. У меня же нет ни связей, ни денег. Хорошо хоть удалось выиграть три месяца. Мама права, за это время многое может измениться.

В первую очередь поменяться предстояло мне самой. Я давно поняла, что врожденные способности и академические знания не гарантируют успех в жизни. Чтобы стать лучшей, нужно не только трудиться, но и использовать чит-коды. Впервые на эту мысль меня натолкнула книга Малкольма Гладуэлла «Гении и аутсайдеры». Там говорилось, что талант складывается из способностей, благоприятных возможностей и случайно полученных преимуществ. Автор изучил истории успеха людей самых разных профессий, от музыкантов до программистов, и нашел закономерность. Для достижения мастерства мирового уровня требуется десять тысяч часов практики. Чтобы практиковаться такое количество времени и обойти конкурентов, нужны благоприятные обстоятельства, а для их создания – случайные преимущества. Дождаться, пока повезет, я не собиралась, поэтому продумала стратегию.

Мама дала мне дельный совет. Главным и, пожалуй, единственным моим козырем была женская привлекательность. Я решила ее усилить и научиться управлять своей сексуальностью. Насмотревшись вместе с Лилькой уроков макияжа на ютубе, скупила половину кисточек в канцелярском отделе универмага. Настоящие американские и японские инструменты были не по карману даже Лильке, которая тоже под села на англоязычных блогерш с их видео в духе «собирайся со мной». В искусстве мейкапа мы поняли главное: все, что хочешь уменьшить – затемни, увеличить – осветли. Так, вместо розового карандаша, я обводила верхнюю губу белым. Крылья носа слегка припудривала коричневыми тенями. От подобных манипуляций черты лица становились особенно точеными, почти идеальными. Моей внешности профессиональный макияж только придавал лоска. Лильку же он полностью преображал: вытягивал ее по-детски округлое личико, выделял скулы, утончал расширяющийся на кончике нос. Но, в конце концов, подруга объявила скульптурирование мошенничеством и ограничилась привычными для нее голубыми тенями и розовыми румянами на яблочках щек.

Мама с радостью оплачивала незначительные расходы на красоту, вздыхая о том, что ее дочь становится женщиной, и подсчитывала, сколько денег у меня останется на ремонт, когда я верну ей долг. С ее подачи я впервые в жизни посетила парикмахера. До этого кончики волос мне подстригала соседка, а еще раньше – сама мать. Всегда длинные, теперь мои волосы еле-еле доставали до плеч, русый цвет разбавило модное в этом году брондирование. Прическа получилась пышной, волосы казались особенно густыми и сияющими. По дороге из парикмахерской в библиотеку я наслаждалась непривычной легкостью. Ощущение физической воздушности отражалось в ясности на душе. Впервые после Восьмого марта я чувствовала себя красивой, любовалась отражением в окнах домов и витринах магазинов. Впечатление от нового образа не смогли испортить даже причитания Лильки, встретившей меня возле зала научной литературы:

– Я всю жизнь мечтала отрастить такие же длинные волосы, как у тебя, но они никогда не опускались ниже лопаток. Зачем ты постриглась?!

– Чтобы исполнить твою мечту, – я открыла дверь и пропустила подругу вперед. – Теперь твои волосы даже длиннее моих.

Она покачала головой и принялась вытаскивать из сумки книги. Я ждала этого момента, опасаясь, что она захочет взять еще какой-нибудь справочник до конца учебного года. Слава Богу, этого не произошло. Репетиторы готовили Лильку только по самым современным учебникам, достать которые в городской библиотеке невозможно. Теперь я стояла чуть позади и молилась, чтобы новая прическа помешала библиотечарше узнать во мне Лилию, заходившую в начале марта. На самом деле я понимала: каждый день в библиотеку приходит так много школьников, что запомнить их лица невозможно. Надо

мною висела другая, куда более реальная угроза: сейчас подруга возьмет формуляр и прочтет на нижней строчке название справочника по ядам. Вряд ли у нее возникнут сомнения, кто и для чего мог взять эту книгу. От одной мысли об этом мое тело напряглось, как передутый воздушный шарик, готовясь с минуты на минуту лопнуть. Поэтому, когда библиотекарьша приняла учебники и собственноручно их вычеркнула, не подав Лильке формуляр, мне показалось, будто воздух из шарика начали медленно выпускать. Я стала невесомой, способной оторваться от пола и вылететь в открытое окно.

В парке, от прикосновения весеннего солнца, страх разоблачения окончательно растаял. Щурясь, как кошка, я полностью расслабилась и отдалась во власть первому теплу. Пахнущий свободой и предвкушением счастья ветер путался в необремененных лишней тяжестью волосах. Где-то высоко, в облаках, проплывали мысли о будущем. В моем плане самосовершенствования еще оставались пробелы. Как научиться управлять своей сексуальностью без секса? В любом деле важен опыт, но где его взять семнадцатилетней отличнице, все время отдающей учебе? Думать, как и чем заполнить этот пробел, сейчас не хотелось. Часто, стоит расслабиться, и решения находят сами. Так случилось и на этот раз.

– О, какие!

Хрипловатый, по-мальчишески срывающийся на фальцет голос вторгся в нашу с Лилькой молчаливую негу. Привыкшая игнорировать подобные окрики, подруга передернула плечами и прошла мимо. Я же остановилась и оглянулась.

– Какие?

Сзади, из кабинки чертова колеса, выглядывали два парня лет девятнадцати. Широкоплечий блондин спрятал руки в карманы, от чего стал похож на нахохлившегося воробья. Худощавый брюнет поднял воротник кожаной куртки.

– Красивые, – после секундной заминки ответил брюнет. – Пошли ко мне, пивка выпьем, покувыркаемся.

– Пошли, – кивнула я.

Блондин разинул рот и толкнул брюнета локтем в бок.

– Алиса, – потянула меня за рукав Лилька, – не связывайся с ними.

Вместо того чтобы послушаться подругу, я подошла к кабинке:

– Ну, чего сидишь? Я согласна, веди.

– Че, прям так, сразу?

– А как еще?

– Ну, может, хоть пива купим? – пришел ему на помощь блондин.

– Купите, и в аптеку зайти не забудьте. Мы вас у входа в универсам подождем.

Парни, цепляясь за металлические бортики, вылезли из кабины. Я взяла Лильку под руку и потянула к магазину.

– Что мы здесь делаем?! – округлила глаза подруга, когда за парнями закрылась дверь.

– Стережем, чтобы не удрали. Из магазина один выход.

– Шутишь?! – удивление на ее лице сменилось ужасом.

– Конечно, шучу! – пожалела я подругу. – Побегали, а то автобус пропустим.

Лилька с визгом рванула к остановке. Маршрутка обогнала нас на пешеходном переходе. Я помахала водителю, чтобы задержать пазик.

– Зачем? – оглянулась Лилька. – У тебя же удостоверение!

– Езжай ты. Мне еще надо в салон красоты.

– Ты же только что из парикмахерской.

– Записалась на эпиляцию. Хочу разделаться со всеми волосами за один день, пока мама добрая.

– Это, наверно, больно, – замешкалась у двери в автобус она. – Хочешь, я схожу с тобой за компанию?

– Не надо, в кабинет все равно вдвоем не пустят, а тебе еще доклад по биологии писать.

– Я могу тебя в коридоре подождать...

– Едем, или как?! – крикнул водитель.

– Не стоит, а то еще за тебя переживать придется. Лучше подготовь и мою часть доклада, а я тебе вечером позвоню – расскажу, как прошло. Езжай!

Лилька нехотя забралась в автобус. Я помахала ей на прощание и, дождавшись, когда пазик проедет светофор, побежала обратно к универсаму. Парней не было видно. Или они еще внутри, или из магазина все-таки был запасной выход. Я огляделась по сторонам, проверяя, нет ли поблизости знакомых.

– А где вторая? – раздался над ухом голос блондина.

– Ушла. Ты тоже можешь быть свободен.

– Удачи, – похлопал он по плечу брюнета и с явным облегчением пошел обратно в парк.

– Ну что, куда теперь? – переступая с ноги на ногу, спросил брюнет.

– К тебе. Ты же сам позвал.

– Ну да, – сказал он и направился к светофору.

– У тебя хоть родителей дома нет?

– Не, мамка во вторую на заводе. Она крановщица, четвертый разряд.

Я ответила парню таким взглядом, что остальную часть пути он предпочел пройти молча.

– Значит, подруга твоя соскочила, да? – подал голос уже в подъезде парень.

– А что, она тебе больше понравилась?

– Мне ты понравилась, – покраснел он. – С первого взгляда. Меня, кстати, Леша зовут. А ты и правда Алиса? Проходи.

Он распахнул передо мной дверь. В коридоре, обшитом коричневыми пластиковыми панелями, пахло свежеприготовленным супом. Миниатюрная прихожая была завешана куртками и пуховиками. Судя по обуви двух размеров на полке, Леша жил в квартире только с матерью. В зале стоял разложенный диван, застеленный простыней, с подушкой и смятым одеялом сверху. Леша попытался прикрыть постель пледом.

– Здесь комп стоит, – указал он на стол в углу комнаты, – а из окна виден мой гараж.

– У тебя есть машина? – ободряюще улыбнулась я, доставая из пакета бутылку пива.

– Не то чтобы, – еще больше смутился он. – Так, развалюха. Корпус Шевроле, а внутри барахло всякое. Щас трансмиссию чиню.

Я протянула Леше открытую бутылку и, пока он пил, начала медленно раздеваться. Не отрываясь от горлышка, взглядом он следил за каждым моим движением. Когда пиво закончилось, а я осталась в одних трусиках, Леша с чмокающим звуком оторвал бутылку от губ и поставил на стол. Шагнув вперед, он сжал меня в объятиях и повалил на диван. Все произошло быстро. Даже слишком быстро. В начале я ощутила режущую боль, а в конце – теплую струйку крови, пробежавшую по внутренней стороне моего бедра. Леша явно не был доволен собой, но все-таки спросил:

– Ты кончила?

– Нет, – честно ответила я и принялась одеваться.

– Знаешь, ты мне очень понравилась, поэтому я так быстро...

– Сдался? – улыбнулась я, но заметив выражение отчаяния на его лице, продолжила: – Ерунда, в следующий раз получится дольше.

– С тобой? – встрепнулся он. – В смысле, ты еще придешь?

– Когда твоя мама снова будет работать во вторую смену?

– В понедельник.

– Значит, до понедельника, – я помахала Леше на прощание и закрыла за собой дверь.

– Постой! – донесся приглушенный голос из-за двери. – Я тебя провожу, только брюки натяну!

Пришлось пробежать две остановки. Не хватало еще, чтобы парень, которому предстояло сыграть роль тренера, узнал, где я живу. В автобусе я обдумывала, как можно достать пособия по сексуальным техникам. Карманную Камасутру я уже изучила, но одних

поз недостаточно, нужно все увидеть в движении. Интересно, чтобы купить диск с фильмом для взрослых, нужен паспорт? Без разницы, мне все равно не на чем его смотреть. Кажется, в папин телевизор вставляется флешка. Значит, надо сходить в интернет-кафе и скачать что-нибудь обучающее. Хотя, для начала подойдет и обычное порно. Главное, теперь у меня есть возможность практиковаться. Хорошо бы успеть отточить мастерство до июня. Перед ЕГЭ будет не до секса.

С такими мыслями я зашла в дом и, разувшись, направилась прямо к телевизору. Проверить, есть ли в нем разъем для флеш-карт, мне помешал телефонный звонок.

– Гражданка Малыш Алиса Геннадьевна, – раздался в трубке голос следователя Зуйкова, – согласно статье сто девятнадцать точка шестнадцать кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, тебе грозит штраф за небрежное хранение паспорта, повлекшее его утрату.

– С чего вы взяли, – у меня пересохло во рту, – что я потеряла паспорт?

– С того! Как иначе он мог попасть ко мне в руки? Кроме паспорта здесь еще твое свидетельство о рождении и медицинский полис.

– Где вы их нашли?

– На зоне. Открыл шкаф с личными вещами твоего отца, а там красная папка.

– Коралловая, – машинально поправила я.

– Потрудись объяснить, как туда попали твои документы.

– Я отдала их папе.

– Зачем?

– Он собирался устроить меня на работу, – не придумав правдоподобной лжи, призналась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.